

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лукьянов Г.В.

DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.12939

ЛИВИЯ И ИРАН: ОТ ОБЩНОСТИ ИНТЕРЕСОВ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ» К НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема развития взаимоотношений между государствами, вошедшими в предложенный в 1980-х гг. Соединенными Штатами Америки список так называемых «государств-изгоев». Проводится их сравнительный анализ и исследуется процесс выстраивания между ними среднесрочных союзнических отношений на примере взаимодействия Ливийской Джамахирии и Исламской Республики Иран в последней четверти XX и начале XXI века. Рассматривается влияние идеологических установок, а также внутри- и внешнеполитических условий на формирование внешней политики Триполи и Тегерана на постреволюционном этапе развития. Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с 1970-х до начала 2000-х гг. Реконструкция событий проведена по итогам анализа широкого круга источников, а также опыта отечественной (российской и советской) и зарубежных школ востоковедческих исследований. Автор, используя разработанный им методологический подход, исследует проблему взаимоотношений конкретных «государств-изгоев» в практической плоскости, когда предметом исследования становится динамика развития двусторонних отношений между Ливийской Джамахирией в период правления Муаммара Каддафи и Исламской Республикой Иран после Исламской революции 1978-1979 гг.

Ключевые слова: Ливия, Иран, внешняя политика, государства-изгои, оружие массового поражения, терроризм, исламизм, Каддафи, Хомейни, история.

Начиная с первой половины 1980-х гг. благодаря проводимой революционным руководством Ливии и Ирана внутренней и внешней политике, входящей в соприкосновение и конфронтацию с интересами США на Ближнем Востоке, оба политических режима были охарактеризованы политическим истеблишментом США как антидемократические и включены в список, так называемых, государств-изгоев. Несмотря на то, что в течение многих лет, два непохожих по своему содержанию и структуре политической системы государства фигурировали в политическом дискурсе США и Европы в качестве членов единого блока «врагов демократического мира», в сфере реальной политики говорить о наличии прочного стратегического союза между ними никогда не было возможно. В тоже время следует осветить то тактическое сотрудничество и взаимодействие между Триполи и Тегераном, что действительно существовало, развивалось и породило немало поводов для многочисленных инсинуаций и предубеждений в отношении внешней политики обоих государств в начале XXI века.

Описание¹ и сравнение² институтов политического лидерства в Ливии и Иране в период послереволюционного государственного строительства и укрепления власти уже становилось предметом изучения современной науки. Чего нельзя сказать о взаимодействии этих двух стран во второй половине XX века и начале XXI века. Разность цивилизационных и исторических путей развития, причиной которой является, например, географическая удаленность, долгое время не позволяла говорить о существовании даже некоего общего основания для сравнения этих стран, не говоря уж о целесообразности и значимости исследований некоего особого взаимодействия между ними. С другой стороны именно политическое развитие Ливии и

¹ Егорин А.З. Муаммар Каддафи. М., 2009; Жуков Д.А. Иран от Хомейни до Хаменеи. М., 2011.

² Воронин С.А. Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран (Политическое лидерство в исламском мире в свете теории «Третьего пути»). М., 2009; Сафронов А.П. Радикальный популизм и мобилизационное участие. М., 2006.

Ирана, и в том, и в другом случае зависящее от использования нефтяных доходов для укрепления и расширения влияния революционного режима, и изменения внешнеполитической ситуации в регионе сделали возможным проведение параллелей и выявление линий взаимодействия между столь разными режимами. Что породило новую научно-исследовательскую проблему в политическом и научном дискурсе: возможно ли долгосрочное взаимодействие между «государствами-изгоями», является оно существенным фактором в реальной политике или же представляет собой лишь гипотезу в рамках конкретной политической теории?

Концепция «государств-изгоев» оформилась в политическом дискурсе США в первой половине 1980-х гг., как ответ на приход к власти в целом ряде государств, считавшихся в течение длительного периода времени если не союзниками Вашингтона, то нейтральными по отношению к нему, «антиамериканских» политических режимов. Ливия и Иран были помещены в эту когорту в силу декларируемых их революционными политическими элитами принципов построения внешней и внутренней политики, а также приписываемым им связям с террористическими организациями. Тем не менее, данная общность не позволяет говорить априори о наличии некоего выступающего в качестве единого актора международных отношений блока государств, характеристиками которого наделили «государств-изгоев» американские эксперты. Если между Сирией и Ираном такие отношения стали возможны благодаря фактору географической близости, общности геополитических интересов и конфессиональным связям политических элит, то между Ираном и Ливией никаких подобных оснований для сближения никогда не было. Эти государства расположены в различных географических регионах, конфессиональный и этнический состав населения отличаются кардинально по структуре и составу. Поэтому они развивались в непохожих исторических условиях и не имели традиционных связей ни в экономике, ни в политике, ни в культуре.

Дипломатические отношения между Тегераном и Триполи были установлены сравнительно поздно – в 1967 г., но были тут же разорваны после сентябрьской революции 1969 г. в Ливии, приведшей к отстранению от власти короля Идриса и наступлению периода перманентной конфронтации между двумя странами. В период правления в Иране шаха Мохаммеда Резы, иранская зарубежная оппозиция, в т.ч. и находившиеся в эмиграции

религиозно-политические авторитеты, также не имели контактов и общих интересов с ливийским руководством во главе с М. Каддафи. Та поддержка, которую ливийский лидер щедро оказывал революционным и народно-освободительным группам и организациям, выступавшим против его политических оппонентов на Ближнем Востоке и в Африке, не распространялась на иранское шиитское духовенство вне зависимости от наличия у них общего противника – главного союзника США на Ближнем Востоке, шаха Мохаммеда Пехлеви. Выступая вместе с Ираком, Южным Йеменом и Алжиром против оккупации Ираном спорных островов в Персидском заливе, ливийские лидеры, тем не менее, дистанцировались от контактов с аятоллой Хомейни и его сторонниками. В этом вопросе они руководствовались не только нежеланием портить отношения с союзным на тот момент правительством Ирака. Существовавшие расхождения в понимании концепции исламского политического возрождения, как основополагающего элемента политической идеологии, делали Каддафи и Хомейни своего рода конкурентами.

Свою роль в ухудшении отношений между иранцами и ливийцами сыграло исчезновение в августе 1978 г. на территории Ливии одного из духовных лидеров ливанских шиитов Мусы аль-Садра. Прибыв в Ливию в поисках средств для финансирования шиитской организации «Амаль» и сторонников среди многочисленных палестинцев, нашедших убежище под покровительством М. Каддафи, он исчез в одном из ливийских лагерей Организации освобождения Палестины (ООП). Как раз в это время обострился конфликт между Ясиром Арафатом и Муаммаром Каддафи, вследствие чего в палестинские лагеря были направлены силы ливийских революционных комитетов, призванные проводить политическую агитацию и пропаганду.³ Долгое время власти Джамахирии отказывались комментировать исчезновение ливанского духовного авторитета, но в итоге обвинили его в шпионаже в пользу шахского правительства, тем самым косвенно признав свое участие в его похищении, что не могло не сказаться в долгосрочной перспективе на отношениях с шиитской общиной Ливана и Ираном.⁴

³ Ronen Y. Libya's Qadhafi and the Israeli-Palestinian conflict, 1969–2002 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40. No 1. P. 85–98.

⁴ St John, R.B. Historical Dictionary of Libya. Oxford, 2006. P. 222.

Несмотря на определенные различия в понимании направления реформирования общества, – а именно, в восприятии роли ислама и исламского духовенства в жизни общества в целом и реализуемой государственной политике в частности, – оба режима, пришедшие к власти в результате успешно завершившегося революционного процесса, нашли немало общего и взаимовыгодного в развитии внешнеполитического сотрудничества. Именно схожесть доктринальных установок внешнеполитических устремлений легла в основу двустороннего взаимодействия и создала условия для складывания обоюдного интереса политических элит двух столь непохожих стран.

В основу ливийско-иранского диалога в первые годы после свершения Исламской революции 1978-79 гг. легли антизападная риторика, жесткая антиизраильская политика и восприятие в качестве врагов отдельных руководителей целого ряда арабских государств.⁵

Неприятие вмешательства стран Запада во внутренние дела мусульманского, а далее и всего, так называемого, Третьего мира, и требование «белому человеку» покинуть территорию самих этих государств, а затем и всех стран Азии и Африки, изначально лежало в основе массового протеста, на волне которого «свободные офицеры» и шиитское духовенство пришли к власти. В процессе укрепления их положения, сопровождающегося выстраиванием упрощенной для населения, но сложной по своей сути системы идеологических взглядов и координат, революционные власти сконструировали образ внешнего врага и превратили борьбу с ним в одну из целей осуществленной ими революции. Таким образом, противостояние империализму и колониализму, ставшее главным направлением иранской и ливийской внешней политики в их доктринальном ключе, послужило основой для развития идеи о потенциальной возможности союза между ними.

В то же время, нельзя не отметить существовавшие на тот момент разночтения между Триполи и Тегераном в вопросе о том, какие именно государства из числа мировых держав стоит причислять к оплотам «империализма и колониализма». Что касается государств Запада, то здесь разногласий у М. Каддафи и Р. Хомейни не было: США, а также Великобритания, Франция и другие европейские государства, одинаково подвергались кри-

тике как в Ливии, так и в Иране в силу наличия в истории обоих государств опыта пребывания под колониальным господством или в оскорбительной зависимости от них. Различия в восприятии в первую очередь были связаны с образом Советского Союза. Основой тому послужили изменения, которые претерпела официальная позиция Ливии по отношению к СССР во второй половине 1970-х гг. и, несмотря на множество конфликтных моментов, сохранила вплоть до распада социалистического лагеря в начале последнего десятилетия XX века. В то время, как иранское революционное руководство не скрывало своего неприятия к СССР в той же мере, что к британцам и американцам, по причине исторически сложившихся сложных двусторонних геополитических отношений между Россией и Ираном, ливийский лидер был вынужден отказаться от открытого транслирования антисоветских взглядов, исповедуемых и распространяемых им в самом начале правления, ради получения крайне необходимой ему советской военно-политической и экономической помощи⁶. Тотальная зависимость ливийской военной машины, игравшей важнейшую роль в региональной политике М. Каддафи, от советских поставок военной техники⁷ и растущая потребность в дипломатической и военно-политической поддержке в конфликтном противостоянии с США⁸ заставили лидера Джамахирии воздерживаться от открытых антисоветских действий и высказываний.

Важность этого фактора не следует преуменьшать и в контексте того, как на Ливию и Иран смотрели в самом Советском Союзе. В связи с отсутствием в начале 1980-х гг. определенного отношения к Исламской революции и новому иранскому политическому режиму не только в советском научном сообществе, но и в партийном и государственном руководстве, политика СССР в отношении Ирана была достаточно осторожной. Далеко не все представители профессионального истеблишмента, – научного, партийного, управленческого, военного и дипломатического, – разделяли быстро распространившееся ликование по поводу

⁶ Подцероб А.Б. Исламский фактор во внешней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Вып. 36. М., 2008. С. 203-239.

⁷ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от революции «аль-Фатех» до «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. №9. С. 27-34.

⁸ St John R.B. Libya and the United States: Two Centuries of Strife. Philadelphia, 2002.

⁵ Hunter S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era. Santa Barbara, 2010. P. 221.

победы «прогрессивных сил над силами реакции» в Иране, акцентируя внимания на беспрецедентный и неоднозначный характер роли шиитского духовенства в революционном процессе.⁹ В некотором роде по этой причине, помимо всех прочих, в рамках начавшейся в 1980 г. ирано-иракской войны Саддам Хусейн активно пользовался советской военно-технической поддержкой в той же мере и объеме, что и американской, и данный факт не мог не сыграть свою роль в формировании образа СССР как в среде иранских духовных, так и вполне светских лидеров. Тот факт, что на фоне активно-го ливийско-советского сотрудничества¹⁰ начался и оказался успешным ливийско-иранский диалог служит еще одним опровержением ряда опасных заблуждений. Например, таких, как представления о том, что иранская революционная политическая элита состояла лишь из кровожадных безумных фанатиков и руководствовалась нерациональными моделями поведения¹¹, либо, что Ливия в своей внешней политике в течение первых двух десятилетий после революции 1969 г. являлась «прокси» Советского Союза.

Антиизраильская политика двух режимов, построенная на идейном противодействии сионизму и геополитическом противостоянии «израильскому экспансионизму», как авангардному элементу глобальной угрозы «западного империализма», также стала конструктивной базой для идеологического сближения режимов Хомейни и Каддафи. Внешняя политика и позиция Ирана по отношению к Израилю претерпела кардинальные изменения сразу после Исламской революции¹², что было благобно встречено в Ливии, где уничтожение государства Израиль являлось одним из столпов внешнеполитической доктрины с сентября 1969 года, когда к власти в стране пришли сторонники

идей арабского национализма¹³.

По сравнению с дореволюционным внешне-политическим курсом, предусматривавшим либо умеренную критику в адрес Израиля, – как то было в королевской Ливии¹⁴, – либо восприятие его, как важного торгово-экономического и отчасти политического партнера, – как в случае с шахским Ираном¹⁵, – оба революционных режима осуществили кардинальный разворот. В 1969 г. Ливия, а в 1979 – Иран перешли в своем политическом дискурсе и реальной внешней политике к однозначному неприятию любого рода взаимодействия (в т.ч. признания) и к прямому конфликту с Тель-Авивом.

В то время, как в отношении стран Запада и Израиля в начале 1980-х гг. следует отметить практически полное совпадение взглядов, нельзя с определенной точностью сказать о наличии у политических элит Тегерана и Триполи общего подхода к разделению по принципу «свой – чужой» тех или иных арабских государств. Оба режима стремились распространить свое влияние, а также свою модель социально-политического устройства и международной интеграции на базе идеологии мусульманского религиозного (Иран) или арабского национального (Ливия) пробуждения среди населения и руководства соседних стран. Здесь как первооснова существовавшего изначально противоречия проявилась разность транслируемых идей и установок построения утопической модели общественных отношений и, как следствие, долгосрочных целей Триполи и Тегерана по конструированию новой геополитической реальности после нивелирования внешних раздражающих факторов – влияния внерегиональных сил и Израиля. Ливийскому лидеру не был нужен в долгосрочной перспективе сильный в геополитическом плане Иран в той же мере, что и иранское духовное и политическое руководство не жаждало увидеть распространение ливийского влияния в сфере своих стратегических интересов. Именно поэтому в отношении арабских стран рассматриваемые режимы вели более сложную политику, выделяя из всего списка наравне с общими для них обеих сторон противни-

⁹ Лукьянов Г.В., Рябинин А.Л. Предисловие. Политический ислам в информационном обществе: метод дискурсивного анализа // Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа). М., 2013. С. 6-18.

¹⁰ Подробнее см.: Шведов А., Румянцев В. Советско-ливийские отношения. М., 1986.

¹¹ Данная точка зрения активно распространяется по сред-ством не имеющих прямого отношения к объективному научному знанию, но, тем не менее, широко публикуемых на английском и русском языках мемуарных работах некоторых иранских мигрантов. См. например: Калили Р. Время предавать. М., 2013.

¹² Подробнее см.: Месамед В.И. Иран – Израиль: от партнерства к конфликту. М., 2009.

¹³ St John R.B. Qaddafi's World Design. Libyan Foreign Policy, 1969-1987. L., 1987.

¹⁴ Worrall R.J. The Strategic Limitations of a Middle East Client State by the mid-1950s: Britain, Libya and the Suez Crisis // Journal of Strategic Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 309-347.

¹⁵ Подробнее см.: Шестопалов В. Ближневосточный кризис и позиция Ирана / Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР №3. М., 1973. С. 9-76.

ками (монархии Залива) и союзниками (Сирия) те правительства, в отношении которых их позиции расходились кардинально.

Ярчайшим примером может служить ситуация, сложившаяся в ирано-ливийских отношениях вокруг Ирака и Марокко.

На фоне неразрешимого и неотвратимого конфликта между Багдадом и Тегераном, ставшего с началом 1980 г. лишь вопросом времени, у не имевшей с Ираком границы Ливии в двусторонних отношениях с ним было изрядное количество противоречий. Стороны долгое время волновала проблема, связанная с наметившейся конкурентной борьбой между М. Каддафи и С. Хусейном за лидерство в панарабском движении и арабском мире. Данный спор возник после окончательного прихода последнего к власти в Багдаде в 1979 г., но при всех масштабах перманентного обострения, тем не менее, не мог изначально послужить основой для именно военно-политического конфликта между двумя странами.

В то же время сложные, противоречивые и подверженные резким перепадам ливийско-марокканские отношения¹⁶ развивались на фоне растущей заинтересованности иранских агентов в использовании привлекательного положения этой страны, как «моста в Европу». На фоне состоявшегося в ходе визита Хафеза Асада в Триполи в сентябре 1980 г. подписания декларации об объединении между Сирией и Ливией, правительство последней разорвало все дипломатические отношения с Королевством Марокко. Причиной тому послужило с одной стороны нежелание короля Хасана II принять участие в инициированных Триполи интеграционных проектах на территории Магриба, а с другой – активная поддержка, оказываемая Джамахирией Фронту ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре. Свою лепту в ухудшение отношений между двумя странами внес отказ Марокко выдать скрывавших на его территории политических мигрантов из Ливии, бывших политических оппонентов М. Каддафи, список которых возглавлял лидер провалившегося в августе 1975 г. антикаддафистского путча, бывший член Совета революционного командования Ливии Омар Мохейши¹⁷.

Решение проблем в вопросе выработки совместной позиции Триполи и Тегерана в отношении третьих стран было возможно лишь посредством взаимных уступок, достигаемых в

результате переговоров и согласования действий. Формирование общей повестки исходя из национальных интересов каждого участника и поиска взаимовыгодного консенсуса в течение хоть и не долгого времени лежало в основе действий правительств двух стран. Поддержка, оказанная Ливией Ирану во время войны с Ираком, стала результатом продуманного демарша Каддафи против всех арабских государств, а не одного лишь С. Хусейна. Эта политика, несмотря на существовавшую критику внутри страны и за ее пределами, имела определенный эффект и принесла Триполи серьезные дивиденды на уровне двусторонних отношений с рядом государств. Что же касается интересов Ирана в Марокко, то на несколько лет потребности режима исламского духовенства в налаживании поставок оборудования и информации из Европы были удовлетворены ливийской разведкой через её собственную агентурную сеть.

Необходимо выделить также общие условия, сложившиеся к этому времени вокруг внешнеполитического положения и позиционирования рассматриваемых государств в арабском мире. Во-первых, оба режима воспринимались подавляющим большинством правящих элит Ближнего Востока и Северной Африки, по крайней мере, с настороженностью и опасением. Это можно считать закономерным следствием демонстрируемой Ираном и Ливией приверженности радикализму и фундаментализму, а также реакцией на распространяющиеся из их столиц призывы к экспорту революции.¹⁸ Во-вторых, оба государства, являясь обладателями обширных запасов углеводородных ресурсов и будучи до революции важными экспортёрами нефти в Европу, имели достаточные возможности не только для непосредственного влияния на региональную экономику, но и для значительного изменения политического баланса сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Уровень опасности, ожидаемой со стороны Ливии и Ирана среди политической элиты и в массовом сознании населения стран региона, постепенно рос не только благодаря конкретным действиям самих режимов, но и в результате конструирования и тиражирования американской дипломатией концепции «государств-изгоев».¹⁹

¹⁸ См. подробнее: Баутин А.А. Политика экспорта иранской исламской революции // Панорама–2008: Сборник научных материалов. Воронеж, 2009. С. 206–212.

¹⁹ Бартенев В.И. Р. Рейган – М. Каддафи: американо-ливийское противостояние в 1980-х годах // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 64–83.

¹⁶ Мальцев Ю. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994. С. 30–76.

¹⁷ Егорин А.З. Ливийская Революция. М., 1989. С. 76.

В свете всего вышесказанного союз между Ливией и Ираном виделся нежелательным как для западных государств и Израиля с одной стороны, так и для большинства арабских стран, за исключением тех, кто являлся членами Национального фронта стойкости и противодействия (НФСП). Выступив в рамках развернувшегося вокруг ирано-иракской войны регионального кризиса вместе с Сирией на стороне Тегерана, ливийское руководство сыграло немалую роль в продвижении в Алжире и Южном Йемене идей сотрудничества с иранским режимом. На состоявшемся в ноябре 1980 г. совещании Лиги арабских государств в столице Иордании Аммане, в рамках которого правительства стран участниц осудили Иран и выразили поддержку иракскому руководству, представители участников НФСП отсутствовали, приняв решение бойкотировать это собрание и не признавать его решений. В декабре 1981 г. и июне 1982 г. А.С. Джелуд, второй человек во властной иерархии революционного руководства Ливии, посетил с официальными визитами Дамаск и Тегеран соответственно.²⁰

Из-за того, в какой сложной ситуации оказался Иран во время войны, первый официальный визит полномочного представителя иранского руководства высокого ранга в Ливию состоялся только в июне 1985 году. Роль посланника имама Хомейни на встрече с М. Каддафи выполнил аятолла Али-Акбар Хашеми Рафсанджани, являвшийся на тот момент председателем Исламского консультативного совета Исламской Республики. Тот факт, что А.-А. Х. Рафсанджани напрямую участвовал в принятии политических решений на высочайшем уровне и был одним из первых лиц государства, только подчеркивает высокий уровень самой встречи и значение, которое иранское руководство придавало переговорам с ливийскими партнерами. На встрече в Триполи стороны подтвердили свою готовность выступить единым фронтом против «сионизма, американского империализма и реакционеров».²¹ В своем разговоре с Рафсанджани Каддафи акцентировал внимание на позицию Ливии по вопросу ирано-иракской войны, выразив свою поддержку Ирану и осудив иракское политическое руководство во главе с Саддамом Хусейном, обвинив последнего в развязывании агрессии и сотрудничестве с США. Ливийский лидер отказал

Хусейну в праве выступать от имени всех арабских государств и арабской нации, а также называть арабско-персидскую войну между прогрессивными «революционными силами [Ирана] и реакционерами [Ирака]»²². Через несколько дней после этого визита, 27 июня иракское правительство разорвало дипломатические отношения с Ливией и отозвало из Триполи своего посла.²³

Помимо оказания моральной и политической поддержки, Ливийская Джамахирия предоставила воюющему и находящемуся в международной изоляции Ирану военно-техническую помощь.²⁴ Если ливийская сторона устами своего секретаря народного комитета по международным делам долгое время отрицала сей факт²⁵, то десятилетие спустя Мохсен Резайи, бывший командующий Корпуса стражей исламской революции, по некоторым данным²⁶, подтвердил получение Ираном военно-технической и организационной помощи из Ливии.

Поставки вооружений из собственных ливийских запасов, – ранее поставленных из СССР в рамках двусторонних соглашений о сотрудничестве, – осуществляемых транзитом через территорию Сирии, уже в августе 1981 г. после инцидента с американским 6-м флотом в заливе Большой Сирт стали не безопасны. Поэтому Триполи выступил в качестве посредника по закупке необходимого для воюющей иранской армии оружия и технологий из третьих стран. В частности, во время состоявшегося с 29 октября по 1 ноября 1982 г. официального визита М. Каддафи в Пхеньян, был не только заключен договор о ливийско-корейской дружбе, сотрудничестве и совместной обороне,²⁷ но и достигнуты договоренности о продаже продукции военно-промышленного комплекса КНДР. Вскоре на ирано-иракском фронте в танковых и артиллерийских частях вооруженных сил и КСИР ИРИ появились дальнобойные самоходные артиллерийские установки и орудия северокорейского

²⁰ Лаврентьев В.Л. Ливия. Справочник. М.: Наука, 1985. С. 76, 78.

²¹ Joint Libyan-Iranian Communiqué: Rafsanjani's Talks in Syria // BBC Summary of World Broadcasting. 25.06.1985.

²² Iran's Rafsanjani in Libya: Talks with Qadhafi // BBC Summary of World Broadcasts. 24.06.1985.

²³ Iraq Breaks Ties With Libya Over Support for Iran // Associated Press. 27.06.1985.

²⁴ Sciolino E. U.S. and Soviet Protest to Libya Over Iran Mines // New York Times. 11.09.1987.

²⁵ Libyan Foreign Minister Denies Arms Sale to Iran // FBIS/SA. 08.08.1985.

²⁶ Zahed S. Tehran switches gear in its relationship with Tripoli after Qaddafi's death // Al-Arabia. 22.10.2011.

²⁷ Лаврентьев В.Л. Указ. соч., с. 224.

производства, а в руках бойцов ополчения бассидж – стрелковое оружие того же происхождения.²⁸

В качестве ответного шага взаимопомощи во время американо-ливийского конфликта 1986 г. Исламская республика официально поддержала ливийское руководство во главе с М. Каддафи, заявив о своей солидарности с ними. Помимо официального заявления, Тегеран оказал реальную экономическую помощь союзному режиму, предоставив ливийской нефтеперерабатывающей промышленности необходимое оборудование взамен устаревшего и специалистов взамен иностранцев, уехавших из страны под давлением односторонних американских санкций.²⁹ Также уже через территорию Ирана и Сирии при активном содействии разведывательных служб этих стран ливийские вооруженные силы получили баллистические ракеты класса «земля-земля» советского и корейского производства.³⁰

Летом 1987 г. во время своего визита в Тегеран секретарь народного бюро по международным делам Ливийской Джамахирии подтвердил согласие Триполи со всеми положениями соглашения, достигнутого между Каддафи и Рафсанджани двумя годами ранее. Но уже в сентябре того же года под влиянием ряда факторов позиция ливийского руководства изменилась.

Неудачей закончилась самая масштабная наступательная операция иранских войск в истории войны с Ираком «Кербелла-5», что сделало победу Тегерана в глазах Триполи несбыточной мечтой, а перспективы его поддержки не столь радужными, как несколькими месяцами ранее. На этом фоне окончательное и бесповоротное поражение ливийской армии на чадском фронте оказало значительное влияние на внутривосточную ситуацию в самой Ливии и требовало от Каддафи пересмотреть многие аспекты внешней политики,³¹ в частности, вопрос о применении срочных мер по изме-

нению ситуации вокруг международной изоляции, ставшей результатом конфликта Триполи с арабскими странами. И для того начали складываться благоприятные условия.

В свете установления после длительной конфронтации с режимом Дж. Нимейри доверительных отношений между Ливией и демократическим правительством Садыка аль-Махди в Судане³² были созданы оптимальные условия для возобновления переговоров об официальном примирении с Египтом. Преодоление вражды, длившейся на протяжении всего периода правления в АРЕ Анвара Саддата и первых лет пребывания на посту президента Хосни Мубарака, открывало перспективы восстановления «арабского единства», которые хоть и являлись с точки зрения реальной политической ситуации иллюзорными, все еще оставались предметом мечтаний «мастодонтов» ливийской политики, – Каддафи, Желлуда и Джабера.

Ради несбыточной мечты арабских националистов ливийское руководство пошло навстречу своим арабским партнерам в Каире и Багдаде, осудив внешнюю политику Ирана и режим власти шиитского духовенства во главе с аятоллой Хомейни и объявив о своей поддержке Саддама Хусейна и его политики.³³ Сказать, что этот выбор дался лидеру ливийской революции и его окружению легко, значит пойти по простому, но не обязательно верному пути, представляющую внешнюю политику Ливии в качестве хаотического явления, полностью зависящего от нелогичного и иррационального поведения М. Каддафи. Выбор между Каиром и Тегераном носил для ливийской политической элиты фундаментальный символический и идеологический характер, так как предлагал в очередной раз выбрать между двумя основополагающими, составляющими органические части единой утопии Третьей всемирной теории, – арабским национализмом и революционным антиимпериализмом.

Как и ранее, совершив поворот в сторону арабского мира, М. Каддафи оставил за собой свободу действий на африканском направлении, а также в отношениях с исламской республикой. Ливия вступила на путь восстановления добрососедских отношений с арабскими странами дипломатическими методами, приняв их обязательное усло-

²⁸ Подробнее об использовании Ираном корейского оружия и технологий см.: Ward St. Immortal. A Military History of Iran and Its Armed Forces. Georgetown, 2009; Чуприн К.В. Последняя крепость Сталина. Военные секреты Северной Кореи. М., 2012.

²⁹ Hunter S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era. ABC-CLIO, 2010. P. 221; Лаврентьев В.Л. Указ. соч., с. 77-78.

³⁰ Цыганок А.Д. Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. М., 2012.

³¹ Бартенев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969-2008. М., 2009. С. 187-200.

³² Лукьянов Г.В. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 75-84.

³³ Fisk R. Libya Switches to Iraqi Side in the Gulf Conflict // Times. 11.09.1987.

вие. Но, несмотря на продекларированный отказ от поддержки иранского режима и изменившуюся риторику официальных лиц Джамахирии, ирано-ливийское взаимодействие в области экономики и безопасности сохранялось на том же уровне, что и до сентября 1987 г.

Несмотря на то, что это заявление ливийского лидера в Тегеране было встречено довольно прохладно, оно не привело к разрыву двусторонних отношений со стороны Ирана. Исходя из собственных стратегических интересов, иранцы продолжали нуждаться в союзниках, обладавших не только значительными финансовыми и материальными ресурсами, но и разветвленной сетью контактов среди различных национально-освободительных движений и организаций и представительств в Азии, Африке и Европе. Во имя исполнения идей имама Хомейни об экспорте исламской революции, Али-Акбар Рафсанджани оставался одним из главных сторонников если не сближения, то, по крайней мере, сохранения определенных линий сотрудничества с ливийцами. Поэтому, несмотря на то, что во время мирных переговоров Ливия формально находилась в лагере союзников Саддама Хусейна, ее дипломатический корпус старался выступать в качестве медиатора между сторонами.

После смерти имама Хомейни в июне 1989 г. и избрания рахбаром Али Хаменеи, а президентом ИРИ – Али-Акбара Рафсанджани, последний сделал немало для сохранения темпов развития взаимодействия двух стран. В частности, это касалось сотрудничества в области нефтяной промышленности и международной торговли, только возросшего после введения режима международных санкций против Ливии в 1992 г. Действуя в обход санкций ООН два «государства-изгоя» выстроили систему экономической взаимопомощи, в которую оказалась также интегрирована Сирия и ряд негосударственных организаций и объединений.³⁴

Режим санкций значительно ограничил спектр легальных политических и экономических возможностей ливийского режима. Так, если на африканском направлении, где влияние и возможности Организации Объединенных Наций и инициаторов введения санкций против режима Каддафи в силу определенных обстоятельств на данном этапе оказались недостаточными, чтобы препятствовать активной внешнеполитической деятельности Триполи, то в Европе, на Ближнем и Среднем

Востоке ливийское правительство оказалось перед лицом необходимости поиска доверенных партнеров. Союзников, способных, – а главное желающих, – представлять интересы Джамахирии в сфере экономики и политики, после двадцати лет правления М. Каддафи оказалось не так уж и много, как хотелось бы ливийскому лидеру. Тем не менее, в число таковых попали Египет, представлявший позицию Триполи среди арабских государств и способствовавший организации закупок продовольствия, а также некоторых видов промышленных товаров в обход международных ограничений³⁵, и Иран, в свою очередь способствовавший налаживанию контактов Ливии со странами Центральной Азии³⁶.

Довольно серьезным, но постепенно сокращающимся в силу ряда факторов направлением сотрудничества оставалось взаимодействие разведывательных структур двух стран в области приобретения технологий и материалов для создания оружия массового уничтожения и поддержки негосударственных вооруженных групп и организаций в других странах мусульманского мира.

Сотрудничество между двумя странами в сфере ОМУ развивалось в двух направлениях. Во-первых, оба режима остро нуждались в оперативном создании значительных арсеналов химических отравляющих веществ, необходимых для кардинального изменения баланса сил на фронтах, ведомых ими войн. С началом в 1981 г. иранского контрнаступления против иракской армии и переноса в 1982-83 гг. боевых действий на территорию Ирака, с целью противодействия используемой КСИР тактике «живых волн» и устранения угрозы со стороны курдского населения Юга, войска Саддама Хусейна неоднократно применяли боевые отравляющие вещества. Иранские власти оказались перед лицом острой необходимости организовать разработку и массовое производство средств индивидуальной защиты, а также собственного химического «оружия возмездия», способного сравнять шансы на поле боя. В то же время в Ливийской Джамахирии, вовлеченной в широкомасштабный конфликт в Чаде и имеющей нестабильные отношения с соседними странами, военное и политическое руководство помнило опыт неудачного военного противостояния с Египтом в июле 1977 г. и предпринимало

³⁴ Niblock T. "Pariah States" & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. London, 2001.

³⁵ Мамед-заде П.Н. Отношения Египта с Ливией и Суданом в контексте развития межарабских связей в конце XX – начале XXI вв. // Востокведный сборник. Выпуск 6. С. 65-67.

³⁶ Libyan Official Seeks Help in Establishing Ties with Central Asian Countries // IRNA. 21.09.1995.

неоднократные попытки усилить многочисленную и хорошо обеспеченную конвенциональными видами оружия армию. Создать полный цикл производства отравляющих веществ и средств их доставки на своей территории стало важной задачей, поставленной М. Каддафи перед ливийскими дипломатами и разведывательными структурами. Ни Иран, ни Ливия не имели собственных интеллектуальных и человеческих ресурсов для реализации подобных проектов в столь сжатые сроки, но обладали значительными финансовыми возможностями, позволившими воспользоваться услугами иностранных частных компаний из Бельгии, Франции, Голландии и т.д. После того, как обе стороны смогли создать полный производственный цикл, способный удовлетворить их потребности, на собственной территории, сотрудничество между ними в данной области прекратилось.

Во-вторых, изыскания в области обретения, так называемой, «исламской бомбы», т.е. ядерного взрывного устройства. Они предпринимались обеими сторонами, но так как ни одна из них не была заинтересована в том, чтобы другая преуспела на этом поприще раньше, в отсутствие документальных подтверждений невозможно утверждать, что сотрудничество в этой сфере продвинулось дальше контактов двух разведок с одними и теми же акторами рынка ядерных технологий: ЮАР, Пакистан, ряд частных лиц, как доктор Хан.³⁷

Что же касается вопроса взаимодействия властей Ирана и Ливии с неправительственными радикальными организациями в странах мусульманского мира, то эта сфера взаимных контактов также претерпела период тесного сотрудничества, но с начало последнего десятилетия XX века между сторонами возникли серьезные разногласия.

После завершения пребывания советских войск в Афганистане с фронтов этой войны в страны Ближнего Востока начали возвращаться те добровольцы, что отправились туда годами ранее для участия в боевых действиях на стороне вооруженной исламской оппозиции. Воодушевленные и окрыленные «победой» над СССР сторонники идеологии джихадизма начали создавать организации, целью которых становилось свержение светских

режимов и установление «исламского правления» в родных для них странах.³⁸ Эти движения, отличные по своей идеологической природе, социальному составу и организационной структуре от всех существовавших ранее в регионе антисистемных оппозиционных группировок, превратились в новую силу, действовавшую по совершенно иным правилам, нежели уже хорошо знакомые авторитарным режимам Ближнего Востока «братья-мусульмане» и вышедшие из них более или менее радикальные группы.

На этом фоне рост политической активности и радикализация шиитской общины в Бахрейне³⁹, Кувейте⁴⁰, Ливане⁴¹ и Ираке⁴² в 1980-х – 1990-х гг., происходившие под культурно-идеологическим влиянием идей имама Р. Хомейни об Исламской Революции⁴³, а также при том или ином организационном участии Исламской республики⁴⁴, способствовали появлению на региональной политической сцене таких организаций, как ливанская Хезболла.

В сложившихся условиях иранское религиозное и военно-политическое руководство видело новые возможности для развития и распространения своих идей и влияния по всему региону, в то время, как ливийская политическая элита оказалась перед лицом вызовов собственной безопасности, а именно перед угрозой физического уничтожения. Ведь новые политические силы,

³⁸ Подробнее см.: Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М, 2004.

³⁹ Мелкумян Е.С. Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // В кн.: Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев и др. М., 2013. С. 40-64.

⁴⁰ Boghardt L. Kuwait Amid War, Peace and Revolution 1979-1991 and New Challenges. NY, 2006.

⁴¹ Беренкова Н. Исторические формы участия шиитской общины в политической жизни Ливана // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 315-320

⁴² Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Ирано-арабские отношения в условиях «арабской весны» на Ближнем Востоке // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М., 2013. С. 107-116.

⁴³ Авдеев Г.П. Роль шиитского духовенства Ирана в строительстве государства исламской ориентации (1979-2009) // Тридцать лет исламской революции в Иране. Сборник статей российских и иранских ученых. М., 2009. С. 170-184.

⁴⁴ Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран и арабский Восток // Иран и исламские страны. М., 2009. С. 34-42.

³⁷ Гелескул Е. История ядерной программы Ливии: причины неудачи // Индекс безопасности. 2009. Т. 15. №1(88). С. 143-152; Клименко И.А. Изменение позиции США в отношении Ливии после выдачи Триполи оружия массового поражения международному сообществу (2003-2005 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. №3. С. 76-80.

выбравшие в качестве основы политической платформы идеи радикального политического ислама, так называемого джихадизма, уже не воспринимали находившуюся у власти в Ливии более двадцати лет элиту во главе с М. Каддафи в качестве потенциальных союзников в их борьбе. Несмотря на то, что ряд целей и задач, – будь то борьба с Израилем или Западом, – также волновали джихадистов, как и арабских националистов, схожесть внешнеполитических устремлений, объединявшая до того не только Ливию и Иран, но Ливию и великое множество правительств, организаций и объединений по всему мусульманскому миру, более не имела решающего значения. Наличие общих внешних целей и представлений о методах их достижения не могло более оттенять природные различия внутреннего содержания двух политических систем. Каддафи и его сторонники, боровшиеся до того с мировым империализмом и контрреволюционной реакцией, сами стали реакционерами в глазах нового поколения «борцов за справедливость», так как отныне, – во многом благодаря Исламской революции в Иране, – в массовом сознании мусульманского населения справедливость вновь стала понятием религиозным, а не секулярным и светским. Отчего в 1990-е гг. в ливийской политической среде и в частности в правящей верхушке произошло серьезное переосмысление базовых ценностей. Оно выразилось не просто и не столько в смене основного вектора внешней политики с арабского на африканский, – которая безусловно имела место быть и стала важной вехой в истории развития современной Ливии во второй половине 1990-х гг., – сколько в изменении осознания своего места в мировой политике в новых исторических условиях. Этот долгий и по своей сути фундаментальный процесс растянулся на несколько лет, за которые не просто изменились, но поменялись на точно противоположенные многие принципы внешней и внутренней политики ливийского правящего режима, что в конечном итоге и привело к его коллапсу.

Ливийское руководство столкнулось с непосредственной угрозой появления вооруженных отрядов джихадистов на своей территории, из-за чего было вынуждено изменить отношение к деятельности негосударственных радикальных группировок и террору, как методу политической борьбы. Исламская боевая группа⁴⁵, – ор-

ганизация, созданная прошедшими афганскую кампанию ливийцами в начале 1990-х гг. на территории Пакистана и соседнего Судана, – перешла в 1995 г. к открытым боевым действиям против режима М. Каддафи, вылившимся в продолжительный военно-политический конфликт, охвативший значительную часть северо-востока страны.⁴⁶ После Революции 1989 г. пришедшие к власти в Судане военные под руководством Омара аль-Башира и исламисты Хасана ат-Тураби, как позже и талибы в Афганистане, превратили свою страну в рай для сторонников радикального политического ислама, каковым была Ливия в 70-е – 80-е гг. XX века для десятков национально-освободительных движений и организаций. В то же время, многие из тех организаций, с которыми специальные службы Джамахирии активно сотрудничали в 1970-е – 80-е гг. либо начали постепенно отказываться от террора и революционной борьбы в пользу дипломатии и мирных способов разрешения конфликтов, либо окончательно и бесповоротно рассорились с режимом Каддафи. Именно так произошло с теми небольшими радикальными военно-политическими группировками палестинцев, которые, не соглашаясь с руководящей линией Ясира Арафата, вступили в конфликт с ООП в конце 1970-х-1980-х, но при этом не имея иных союзников попали в полную зависимость от финансовой и материальной помощи Каддафи, на время утратив собственную независимость.⁴⁷ Другой пример – организация Абу-Нидаля, которую ливийский лидер изгнал из своей страны в 1993 г. ради улучшения отношений с Египтом.⁴⁸

После того, как возможности ливийского лидера по осуществлению их финансовой и политической поддержки оказались значительно ограничены режимом международных санкций, многие группы попали под опеку или в зависимость от разведывательных структур Ирана. Когда внешнеполитические устремления органов безопасности Триполи оказались направлены на противодействие распространению влияния

⁴⁶ Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence, 2011, 23:3, PP. 377-397.

⁴⁷ Ronen Y. Libya's Qadhafi and the Israeli-Palestinian conflict, 1969-2002 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40. No. 1, pp. 85-98.

⁴⁸ Inbari P. Libya Signals New, Moderate Message // Jerusalem Post. 09.04.1993.

⁴⁵ Также именуемая Ливийская исламская боевая группа (ЛИБГ).

в Магрибе и на всем Ближнем Востоке тех организаций, пользу от существования и функционирования которых видело для себя радикальное крыло политического руководства ИРИ, отношения между двумя странами вовсе утратили свою ценность. Только политическая воля Каддафи и Рафсанджани позволяла сохранять видимость сотрудничества, которое ограничилось лишь некоторыми статьями взаимодействия в сфере экономики и культуры.

Назвать это сотрудничество стратегическим невозможно. Взаимная дипломатическая поддержка⁴⁹ и визиты официальных лиц, двусторонние встречи членов правительств⁵⁰, подписание двусторонних торговых соглашений⁵¹, перманентное совпадение позиций по отдельным вопросам региональной повестки⁵² продолжалось на протяжении всех 2000-х гг. вплоть до начала событий «арабской весны», поддержанных на первых порах также и официальным Триполи, и Тегераном. Тем не менее, ничто не помешало Ирану после сравнительно недолгого подсчета рисков и выгод⁵³ сначала выступить в поддержку «февральской революции» в Ливии и признать легитимность Переходной национальной совета в его борьбе с «тираном» Каддафи⁵⁴, а затем выступить инициатором развития отношений с правительством новой Ливии под руководством премьер-министра Али Зейдана⁵⁵. Несмотря на существующие разногласия в оценке гражданской войны в Сирии и внутривосточного конфликта в Египте, Исламская республика планомерно движется по пути расширения и углубления сотрудничества с Ливией, особенно в сфере экономики⁵⁶, руководствуясь своими национальными интересами.

Таким образом, отвечая на заданный в самом начале статьи вопрос о возможности и перспективе складывания союзнических отношений между «государствами-изгоями», следует отметить, что их предрасположенность к созданию некоего блока, способного стать самостоятельным участником международных отношений, определенно преувеличена и является искусственно сконструированным мифом. С другой стороны тесное взаимодействие в отдельных областях является возможным и выступает в качестве эффективного, но временного инструмента реализации интересов каждого из его участников. Пример развития отношений между Ливией и Ираном демонстрирует предрасположенность к исключительно внешнеполитическому (не экономическому или культурному) ситуативному (не системному) сближению, основывающемуся на схожем видении своих целей и потребностей. В первую очередь, речь идет о выживании режимов в условиях противодействия со стороны других государств региона (в данном случае, отдельные арабские страны) или внешних нерегиональных игроков (США). Взаимопомощь в условиях участия сторон в военно-политических конфликтах, противодействие режиму международных санкций, экономическому и политическому давлению, – все это становится полем для привлечения внешней помощи, которая в условиях международной изоляции может поступить только от государства, столкнувшегося со схожими вызовами и угрозами. Таким образом, области взаимодействия участников, Ливии и Ирана, оказались крайне ограничены, а привлекаемые ими механизмы и инструменты достижения общих целей имели сугубо национальную принадлежность, т.е. не создавались на паритетных началах и не имели институциональной основы. В дальнейшем, после завершения активной фазы кризиса или конфликта, первостепенное значение для таких режимов имело сохранение собственной идентичности и реализация более далеко идущих целей, диктуемых в обоих случаях идеологическими установками и национальными интересами государства, каковыми правящая элита их видела на данном этапе развития. Несовместимость политических систем и политических культур сделало сотрудничество между подобными государствами лишь тактическим элементом, не способным стать самоцелью внешней политики «государств-изгоев».

⁴⁹ Libya hesitant on new Iran sanctions at U.N. // Reuters, 03.01.2008; Libyan Leader Congratulates Ahmadinejad // Mehr News Agency. 16.08.2009.

⁵⁰ Iran, Libya Discuss Oil and Gas Projects // Press TV. 16.01.2010

⁵¹ Iran and Libya sign 10 cooperation agreements // ISNA. 29.12.2007.

⁵² Mottaki: Iran, Libya Share Common Views on Main Regional Issues // IRIB. 15.01.2010.

⁵³ Afrasiabi K. Iran in a dilemma over Libya // Asia Times Online. 15.03.2011.

⁵⁴ Iran hails death of long-time ally Qaddafi as 'great victory' // Al-Arabia. 21.10.2011.

⁵⁵ Iran wants closer ties with Libya // Libya Herald. 30.10.2012.

⁵⁶ Iranian MPs Discuss Iran-Libya Relations // FARS News Agency. 02.02.2013.

Библиография:

1. Авдеев Г.П. Роль шиитского духовенства Ирана в строительстве государства исламской ориентации (1979-2009) // Тридцать лет исламской революции в Иране. Сборник статей российских и иранских ученых. М., 2009. С. 170-184.
2. Бартенев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969-2008. М., 2009. С. 187-200.
3. Бартенев В.И. Р. Рейган-М. Каддафи: американо-ливийское противостояние в 1980-х годах // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 64-83.
4. Баутин А.А. Политика экспорта иранской исламской революции // Панорама-2008: Сборник научных материалов. Воронеж, 2009. С. 206-212.
5. Беренкова Н. Исторические формы участия шиитской общины в политической жизни Ливана // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 315-320.
6. Воронин С.А. Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран (Политическое лидерство в исламском мире в свете теории «Третьего пути»). М., 2009.
7. Гелескул Е. История ядерной программы Ливии: причины неудачи // Индекс безопасности. 2009. Т. 15. №1(88). С. 143-152.
8. Егорин А.З. Ливийская Революция. М., 1989.
9. Егорин А.З. Муаммар Каддафи. М., 2009.
10. Жуков Д.А. Иран от Хомейни до Хаменеи. М., 2011.
11. Калили Р. Время предавать. М., 2013.
12. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М, 2004.
13. Клименко И.А. Изменение позиции США в отношении Ливии после выдачи Триполи оружия массового поражения международному сообществу (2003-2005 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. №3. С. 76-80.
14. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран и арабский Восток // Иран и исламские страны. М., 2009. С. 34-42.
15. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Ирано-арабские отношения в условиях «арабской весны» на Ближнем Востоке // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М., 2013. С. 107-116.
16. Лаврентьев В.Л. Ливия. Справочник. М.: Наука, 1985.
17. Лукьянов Г.В. Ливийская армия от революции «аль-Фатех» до «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. №9. С. 27-34.
18. Лукьянов Г.В. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969-1989 годах // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 75-84.
19. Лукьянов Г.В., Рябинин А.Л. Предисловие. Политический ислам в информационном обществе: метод дискурсивного анализа // Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа). М., 2013. С. 6-18.
20. Мальцев Ю. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994.
21. Мамед-заде П.Н. Отношения Египта с Ливией и Суданом в контексте развития межарабских связей в конце XX-начале XXI вв. // Востоковедный сборник. Выпуск 6. С. 65-67.
22. Мелкумян Е.С. Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев и др. М., 2013. С. 40-64.
23. Месамед В.И. Иран – Израиль: от партнерства к конфликту. М., 2009.
24. Подцероб А.Б. Исламский фактор во внешней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Вып. 36. М., 2008. С. 203-239.
25. Сафронов А.П. Радикальный популизм и мобилизационное участие. М., 2006.
26. Цыганок А.Д. Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. М., 2012.
27. Чуприн К.В. Последняя крепость Сталина. Военные секреты Северной Кореи. М., 2012.
28. Шведов А., Румянцев В. Советско-ливийские отношения. М., 1986.
29. Шестопалов В. Ближневосточный кризис и позиция Ирана / Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР №3. М., 1973. С. 9-76.
30. Afrasiabi K. Iran in a dilemma over Libya // Asia Times Online. 15.03.2011.
31. Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence, 2011, 23:3, PP. 377-397.
32. Boghardt L. Kuwait Amid War, Peace and Revolution 1979-1991 and New Challenges. NY, 2006.
33. Fisk R. Libya Switches to Iraqi Side in the Gulf Conflict // Times. 11.09.1987.
34. Hunter S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era. Santa Barbara, 2010.
35. Inbari P. Libya Signals New, Moderate Message // Jerusalem Post. 09.04.1993.
36. Iran and Libya sign 10 cooperation agreements // ISNA. 29.12.2007.
37. Iran hails death of long-time ally Qaddafi as 'great victory' // Al-Arabia. 21.10.2011.
38. Iran wants closer ties with Libya // Libya Herald. 30.10.2012.
39. Iran, Libya Discuss Oil and Gas Projects // Press TV. 16.01.2010
40. Iran's Rafsanjani in Libya: Talks with Qadhafi // BBC Summary of World Broadcasts. 24.06.1985.
41. Iranian MPs Discuss Iran-Libya Relations // FARS News Agency. 02.02.2013.
42. Iraq Breaks Ties With Libya Over Support for Iran // Associated Press. 27.06.1985.

43. Joint Libyan-Iranian Communiqué: Rafsanjani's Talks in Syria // BBC Summary of World Broadcasting. 25.06.1985.
44. Libya hesitant on new Iran sanctions at U.N. // Reuters, 03.01.2008
45. Libyan Foreign Minister Denies Arms Sale to Iran // FBIS/SA. 08.08.1985.
46. Libyan Leader Congratulates Ahmadinejad // Mehr News Agency. 16.08.2009.
47. Libyan Official Seeks Help in Establishing Ties with Central Asian Countries // IRNA. 21.09.1995.
48. Mottaki: Iran, Libya Share Common Views on Main Regional Issues // IRIB. 15.01.2010.
49. Niblock T. "Pariah States" & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. London, 2001.
50. Ronen Y. Libya's Qadhafi and the Israeli-Palestinian conflict, 1969-2002 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40. No. 1, pp. 85-98.
51. Sciolino E. U.S. and Soviet Protest to Libya Over Iran Mines // New York Times. 11.09.1987.
52. St John R.B. Libya and the United States: Two Centuries of Strife. Philadelphia, 2002.
53. St John R.B. Qaddafi's World Design. Libyan Foreign Policy, 1969-1987. L., 1987.
54. St John, R.B. Historical Dictionary of Libya. Oxford, 2006. P. 222.
55. Ward St. Immortal. A Military History of Iran and Its Armed Forces. Georgetown, 2009
56. Worrall R.J. The Strategic Limitations of a Middle East Client State by the mid-1950s: Britain, Libya and the Suez Crisis // Journal of Strategic Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 309-347.
57. Zahed S. Tehran switches gear in its relationship with Tripoli after Qaddafi's death // Al-Arabia. 22.10.2011.
58. Г. В. Лукьянов Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // Исторический журнал: научные исследования.-2012.-5.-С. 75-84.
59. Манойло А.В. Сирия и Иран в политике США: ливийский сценарий повторяется // Международные отношения.-2013.-1.-С. 4-12. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.01.1.
60. Andrei Manoilo. "Revoluciones de los higos", elemento enfurecido o «caos controlado»? // Vida Internacional. Digest. 2011. pp. 148-162.
61. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны. // Мир и политика. – 2012.-№12. – С. 87-89.
62. А. В. Манойло Сценарий гибели Каддафи – очередной пример использования «демократического шаблона» // Национальная безопасность / nota bene. – 2012. – 1. – С. 75 – 76.
63. Е. А. Виноградова Ливия и страны Латинской Америки: информационное противоборство с Западом // Международные отношения. – 2012. – 1. – С. 100 – 105.
64. Бурцев С.Н. Каспийский регион как точка столкновения интересов ведущих мировых держав // Политика и Общество. – 2014. – 4. – С. 426 – 433. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.11788.
65. Васнецова А.С. Ваххабизм в России: характеристика, взаимосвязь с терроризмом и экстремизмом, перспективы государственного регулирования // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 11. – С. 154 – 201. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.11.10185. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10185.html

References (transliterated):

1. Avdeev G.P. Rol' shiitskogo dukhovenstva Irana v stroitel'stve gosudarstva islamskoi orientatsii (1979-2009) // Tritsat' let islamskoi revolyutsii v Irane. Sbornik statei rossiiskikh i iranskikh uchenykh. M., 2009. S. 170-184.
2. Bartenev V.I. «Liviiskaya problema» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. 1969-2008. M., 2009. S. 187-200.
3. Bartenev V.I. R. Reigan-M. Kaddafi: amerikano-liviiskoe protivostoyanie v 1980-kh godakh // Novaya i noveishaya istoriya. 2010. № 5. С. 64-83.
4. Bautin A.A. Politika eksporta iranskoi islamskoi revolyutsii // Panorama–2008: Sbornik nauchnykh materialov. Voronezh, 2009. S. 206–212.
5. Berenkova N. Istoricheskie formy uchastiya shiitskoi obshchiny v politicheskoi zhizni Livana // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 2 (1). S. 315-320.
6. Voronin S.A. Islam, natsionalizm i vlast': Indoneziya, Liviya, Iran (Politicheskoe liderstvo v islamskom mire v svete teorii «Tret'ego puti»). M., 2009.
7. Geleskul E. Istoriya yadernoi programmy Livii: prichiny neudachi // Indeks bezopasnosti. 2009. T. 15. №1(88). S. 143-152.
8. Egorin A.Z. Liviiskaya Revolyutsiya. M., 1989.
9. Egorin A.Z. Muammar Kaddafi. M., 2009.
10. Zhukov D.A. Iran ot Khomeini do Khamenei. M., 2011.
11. Kalili R. Vremya predavat'. M., 2013.
12. Kepel' Zh. Dzhikhad: Ekspansiya i zakat islamizma. M, 2004.
13. Klimenko I.A. Izmenenie pozitsii SShA v otnoshenii Livii posle vydachi Tripoli oruzhiya massovogo porazheniya mezhdunarodnomu soobshchestvu (2003-2005 gg.) // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. №3. S. 76-80.
14. Kulagina L.M., Akhmedov V.M. Iran i arabskii Vostok // Iran i islamskie strany. M., 2009. S. 34-42.
15. Kulagina L.M., Akhmedov V.M. Irano-arabskie otnosheniya v usloviyakh «arabskoi vesny» na Blizhnem Vostoke // Iran pri M. Akhmadinezhade. Pamyati A.Z. Arabadzhlyana. M., 2013. S. 107-116.
16. Lavrent'ev V.L. Liviya. Spravochnik. M.: Nauka, 1985.
17. Luk'yanov G.V. Liviiskaya armiya ot revolyutsii «al'-Fatekh» do «Arabskoi vesny» // Aziya i Afrika segodnya. 2012. №9. S. 27-34.
18. Luk'yanov G.V. Liviisko-sudanskie vzaimootnosheniya v 1969–1989 godakh // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2012. № 5. S. 75-84.

19. Luk'yanov G.V., Ryabinin A.L. Predislovie. Politicheskii islam v informatsionnom obshchestve: metod diskursivnogo analiza // Ragozina S.A. Diskurs politicheskogo islama (na primere internet-prostranstva Severo-Vostochnogo Kavkaza). M., 2013. S. 6-18.
20. Mal'tsev Yu. Strany Magriba v regional'noi i mirovoi politike. M., 1994.
21. Mamed-zade P.N. Otnosheniya Egipta s Liviei i Sudanom v kontekste razvitiya mezharabskikh svyazei v kontse XX-nachale XXI vv. // Vostokovednyi sbornik. Vypusk 6. S. 65-67.
22. Melkumyan E.S. Protivostoyanie mezhdv vlast'yu i oppozitsiei v Korolevstve Bakhrein // Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskii mir posle Arabskoi vesny / Otv. red. A.V. Korotaev i dr. M., 2013. S. 40-64.
23. Mesamed V.I. Iran – Izrail': ot partnerstva k konfliktu. M., 2009.
24. Podtserob A.B. Islamskii faktor vo vneshnei politike stran Magriba // Blizhnii Vostok i sovremennost'. Vyp. 36. M., 2008. S. 203-239.
25. Safronov A.P. Radikal'nyi populizm i mobilizatsionnoe uchastie. M., 2006.
26. Tsyganok A.D. Interventsiya SShA i NATO v Livii i ee posledstviya dlya Sirii, Irana, Kavkaza: russkii vzglyad. M., 2012.
27. Chuprin K.V. Poslednyaya krepost' Stalina. Voennye sekrety Severnoi Korei. M., 2012.
28. Shvedov A., Rummyantsev V. Sovetsko-liviiskie otnosheniya. M., 1986.
29. Shestopalov V. Blizhnievostochnyi krizis i pozitsiya Irana / Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR №3. M., 1973. S. 9-76.
30. Afrasiabi K. Iran in a dilemma over Libya // Asia Times Online. 15.03.2011.
31. Ashour O. Post-Jihadizm: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence, 2011, 23:3, PP. 377-397.
32. Boghardt L. Kuwait Amid War, Peace and Revolution 1979–1991 and New Challenges. NY, 2006.
33. Fisk R. Libya Switches to Iraqi Side in the Gulf Conflict // Times. 11.09.1987.
34. Hunter S. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era. Santa Barbara, 2010.
35. Inbari P. Libya Signals New, Moderate Message // Jerusalem Post. 09.04.1993.
36. Iran and Libya sign 10 cooperation agreements // ISNA. 29.12.2007.
37. Iran hails death of long-time ally Qaddafi as 'great victory' // Al-Arabia. 21.10.2011.
38. Iran wants closer ties with Libya // Libya Herald. 30.10.2012.
39. Iran, Libya Discuss Oil and Gas Projects // Press TV. 16.01.2010
40. Iran's Rafsanjani in Libya: Talks with Qadhafi // BBC Summary of World Broadcasts. 24.06.1985.
41. Iranian MPs Discuss Iran-Libya Relations // FARS News Agency. 02.02.2013.
42. Iraq Breaks Ties With Libya Over Support for Iran // Associated Press. 27.06.1985.
43. Joint Libyan-Iranian Communiqué: Rafsanjani's Talks in Syria // BBC Summary of World Broadcasting. 25.06.1985.
44. Libya hesitant on new Iran sanctions at U.N. // Reuters, 03.01.2008
45. Libyan Foreign Minister Denies Arms Sale to Iran // FBIS/SA. 08.08.1985.
46. Libyan Leader Congratulates Ahmadinejad // Mehr News Agency. 16.08.2009.
47. Libyan Official Seeks Help in Establishing Ties with Central Asian Countries // IRNA. 21.09.1995.
48. Mottaki: Iran, Libya Share Common Views on Main Regional Issues // IRIB. 15.01.2010.
49. Niblock T. "Pariah States" & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. London, 2001.
50. Ronen Y. Libya's Qadhafi and the Israeli-Palestinian conflict, 1969-2002 // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40. No. 1, pp. 85-98.
51. Sciolino E. U.S. and Soviet Protest to Libya Over Iran Mines // New York Times. 11.09.1987.
52. St John R.B. Libya and the United States: Two Centuries of Strife. Philadelphia, 2002.
53. St John R.B. Qaddafi's World Design. Libyan Foreign Policy, 1969-1987. L., 1987.
54. St John, R.B. Historical Dictionary of Libya. Oxford, 2006. P. 222.
55. Ward St. Immortal. A Military History of Iran and Its Armed Forces. Georgetown, 2009
56. Worrall R.J. The Strategic Limitations of a Middle East Client State by the mid-1950s: Britain, Libya and the Suez Crisis // Journal of Strategic Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 309-347.
57. Zahed S. Tehran switches gear in its relationship with Tripoli after Qaddafi's death // Al-Arabia. 22.10.2011.
58. G. V. Luk'yanov Liviisko-sudanskie vzaimootnosheniya v 1969–1989 godakh // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya.-2012.-5.-C. 75-84.
59. Manoilo A.V. Siriya i Iran v politike SShA: liviiskii stsenarii povtoryaetsya // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-1.-C. 4-12. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.01.1.
60. Andrei Manoilo. "Revoluciones de los higos", elemento enfurecido o «caos controlado»? // Vida Internacional. Digest. 2011. pp. 148-162.
61. Manoilo A.V. Global'naya nestabil'nost' na poroge novoi bol'shoi voyny. // Mir i politika. – 2012.-№12. – S. 87-89.
62. A. V. Manoilo Stsenarii gibeli Kaddafi – ocherednoi primer ispol'zovaniya «demokraticeskogo shablona» // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2012. – 1. – C. 75 – 76.
63. E. A. Vinogradova Liviya i strany Latinskoi Ameriki: informatsionnoe protivoborstvo s Zapadom // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – C. 100 – 105.
64. Burtsev S.N. Kaspiiskii region kak tochka stolknoveniya interesov vedushchikh mirovykh derzhav // Politika i Obshchestvo. – 2014. – 4. – C. 426 – 433. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.11788.
65. Vasnetsova A.S. Vakhkhabizm v Rossii: kharakteristika, vzaimosvyaz' s terrorizmom i ekstremizmom, perspektivy gosudarstvennogo regulirovaniya // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 11. – C. 154 – 201. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.11.10185. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10185.html